

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

SECTION II. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF
HUMAN CAPITAL

О ВЛИЯНИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРОЦЕССЫ СТАНОВЛЕНИЯ
НОВОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

DOI: 10.25629/НС.2020.12. __

Бусыгин А.Е.

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
Москва, Россия

Аннотация. В статье обосновывается необходимость повышения уровня отечественной государственной управленческой культуры для ускорения процессов становления новой социальной реальности. Намечены направления, по которым целесообразно совершенствовать работу государственного аппарата.

Ключевые слова: новая социальная реальность, управленческая культура, национальные проекты.

Жить в новых условиях
Гораздо полезней, чем в старых –
Не преть в пустословиях,
Не злобствовать в сварах

А жить в этом случае,
Как будто бы вылез из лужи:
Надеясь на лучшее,
Поскольку не может быть хуже.
Давид Самойлов, 1986.

Растёт число публикаций о новой социальной реальности [1]. Её отличительными чертами чаще всего называют переход к новому технологическому укладу, который кардинальным образом меняет не только производство, но и образ жизни людей. Кроме того, новая реальность такова, что человечество начинает ощущать пределы своего существования – экологические и ресурсные в первую очередь. Но не только: существующая социальная и политическая реальность на мировой арене такова, что человечество вполне может скатиться в пропасть хаоса, выползти из которого будет очень и очень сложно. Со времён «Карибского кризиса» поставившего мир на грань мировой войны более пятидесяти лет назад, он заметно усложнился, возникли новые центры влияния, активных акторов на мировой арене стало значительно больше. Среди них – не только новые усилившиеся государства со своими интересами и предпочтениями, но и негосударственные образования, в том числе и террористические. Геополитическая катастрофа конца XX века – распад СССР, – к счастью, не привела к полному обвалу существовавшего мира, хотя это было вполне возможно. Но это не означает, что нас в будущем не ждут новые серьёзные испытания, способные привести наш мир к последней черте.

Ядром нового технологического уклада, порождающего новую социальную реальность, безусловно является цифровизация. Результаты последних социологических исследований свидетельствуют о том, что в российском обществе цифровизация рассматривается как безальтернативное будущее, без перехода к которому существование России, как современного государства, невозможно. Можно сказать, что по этому вопросу имеется общественный консенсус: все без исключения россияне хотят видеть Россию сильной, независимой, занимающей достойное место в мировом сообществе. Всем понятно, что, существуя в глобальном мире, невозможно избежать перехода к новому технологическому укладу, если не хочешь «выпасть» из этого мира.

Но результаты исследований показывают также, что в российском обществе существуют сомнения в том, что построение успешно функционирующей цифровой экономики возможно в ближайшем будущем, в соответствии со сроками, намеченными соответствующим национальным проектом. Есть также и немалые опасения того, что уже на первых этапах перехода к новому технологическому укладу появятся социальные проблемы, отрицательно воздействующие на жизнь самых широких слоёв населения страны. Люди с тревогой ожидают потери рабочих мест, растущей безработицы, продолжающегося и усиливающегося расслоения общества, ещё более углубляющегося отрыва власти от общества.

Это неизбежно и ожидаемо, так как цифровизация действительно не просто затронет все стороны повседневной жизни, но приведёт к их значительным изменениям. Также, как индустриализация в своё время буквально перевернула уклад жизни миллионов граждан нашей страны, так и современная цифровизация не оставит её прежней. Более того, ожидается, что переход к новому цифровому технологическому укладу изменит ещё более глубинные слои культуры общества, чем те, которые подвергались трансформации в прошлом под воздействием предыдущих смен технологических укладов. Кроме того, если индустриализация изменила образ жизни значительного числа людей, но затронула всё же не всех и не всё общество, то цифровизация – это глобальное явление, «накрывающее» буквально всех без исключения, всё общество, всё человечество.

Во всех без исключений странах, в которых идут процессы цифровизации экономики, государственные органы активно направляют эти процессы, стимулируют их развитие, создают условия для решения проблем и противоречий, которые неизбежно возникают и требуют незамедлительного решения и разрешения. Именно государство разрабатывает стратегию создания цифровой экономики, предупреждает и элиминирует возникающие риски, обеспечивает сбалансированное цифровое развитие всех отраслей производственной и непроизводственной сфер. При этом государство решает не только экономические и социальные проблемы. Не меньшее, но даже большее значение начинают приобретать вопросы национальной безопасности, так как необходима киберзащита критически важных отраслей – электро- и атомной энергетики, всех видов транспорта, банковской и финансовой сфер, систем вооружений и других. В киберзащите нуждается и сама система государственного управления. Кроме того, особого внимания требует мониторинг социальных сетей Интернета, так как цифровизация даёт новые возможности воздействия на массовое сознание и психологию, которые в современных условиях широко используются различные деструктивные как внутренние, так и внешние силы – религиозные, националистические, террористические организации. Необходимо своевременно фиксировать попытки дестабилизации внутривнутриполитической обстановки и немедленно реагировать.

В современных условиях жёсткого межгосударственного соперничества на мировой арене необходимо также противодействовать попыткам спецслужб соперничающих государств проводить операции, направленные на подрыв суверенитета и вмешательство во внутренние дела с использованием технологий информационно-психологического воздействия через Интернет и социальные сети – таких как «глубокие фейки», троллинг, таргетирование и др.

Роль государства в цифровизации на современном этапе трудно переоценить. Причём это относится ко всем государствам мира, в которых осуществляется переход к новому «цифровому укладу». Как правило, в разных странах приходится решать сходные задачи и проблемы. Но скорость, условия и пути их решения часто разнятся между собой, так как это связано с

различием государств между собой, с разными экономическими, социальными и политическими стартовыми условиями в которых развивается цифровая экономика. Огромное влияние на процессы становления новой социальной реальности оказывает культура в своих многочисленных проявлениях: культура политическая и управленческая, культура повседневности и культура духовная.

Так как современное государство оказывает огромное влияние на становление новой социальной реальности, прежде всего остановимся на характеристике уровня управленческой культуры российского государства: в какой мере уровень этой культуры способствует, а в какой затрудняет процессы становления новой социальной реальности?

По некоторым направлениям цифровизации Россия, можно сказать, занимает лидирующие позиции. Автору настоящего текста известно, что пару лет назад Россию посетил один из руководителей крупной мировой аудиторской фирмы “ЕУ”, штаб-квартира которой расположена в Нью-Йорке. Он приехал, будучи настроен учить российских коллег тому, как следовало бы эффективно использовать цифровизацию в налогообложении, аудите, бухгалтерском учёте и других смежных отраслях. Но когда он посетил Федеральную налоговую службу и во время этого визита М. В. Мишустин, возглавлявший в то время этот государственный орган, показал гостю, как в режиме реального времени Служба получает текущую информацию о ситуации со сбором налогов в субъектах Российской Федерации, американец признал, что он впервые видит столь развитую информационную систему, которой нет даже в США.

Вместе с тем, есть ряд моментов, которые требуют к себе внимания, так как затрудняют (или способны затруднить) процессы становления новой социальной реальности.

Следует подчеркнуть, что эффективность проведения цифровизации может быть поставлена под сомнение по причине неэффективности государственного аппарата. Бюрократия в России всегда была сильна и многочисленна, неповоротлива и воровата. Начала набирать вес при Петре Первом, расцвела при Николае Первом и до 1917 года всё совершенствовалась и совершенствовалась. Затем случился её слом и её место заступила новая советская партийно-государственная номенклатура. Она кое-что унаследовала от прежнего «чиновного класса», но и развила в себе новые черты. Коррупции стало меньше, зато привилегий (нового, разумеется, вида) стало больше. Постепенно возрастала степень административного отчуждения партийно-государственных аппаратчиков от прочих членов общества. Это отчуждение стало одной из причин возрастающего недоверия большинства советских людей к правящей верхушке и ускорило крах существовавшего строя и Советского Союза.

В новой России появилась государственная служба и многочисленный слой людей, занятых профессиональной деятельностью в аппарате государственного управления. Они являются носителями современной российской управленческой и политической культуры. Эта культура имеет много своеобразных черт, которые возникли в результате «наложения» советского опыта на новейший российский. Кроме того, в этой культуре можно найти и атавизмы, сохранившиеся с дореволюционного времени.

Государственная служба имеет одинаковые черты в различных странах, так как во всех государствах выполняет сходные задачи. Есть, разумеется, и различия. Складывание российской государственной службы шло прежде всего на основе перенимания зарубежного опыта стран «развитой демократии» – именно так сочинялись федеральные законы о государственной службе. И к сегодняшнему дню есть опыт применения этого законодательства. Но в практике российской государственной службы есть моменты, которые остаются вне законодательного регулирования и представляют собой появление особенностей российской управленческой культуры в том виде, в которой она исторически сложилась.

Надо отметить, что в российской государственной службе ярко проявляется тот факт, что чиновник служит прежде всего не государству, а своему начальнику. Его указания он выполняет, ему отчитывается о проделанной работе. Казалось бы, ничего плохого в этом нет. И как же иначе организовать работу аппарата, как не на иерархическом соподчинении? Но есть одна

современная российская особенность. Она заключается в том, что каждый из служащих, будучи назначенным на более или менее высокий пост стремится создать свою команду, ему подчинённую и ему преданную. Поэтому, когда меняется министр в федеральном министерстве, как правило, меняются и заместители Министра. Если приходит новый человек на должность заместителя руководителя Администрации Президента рано или поздно новый человек приходит на должность начальника Управления Администрации, работу которого курирует новый заместитель Руководителя Администрации. Тоже, казалось бы, в этом ничего плохого нет, так как происходит «обновление правящей элиты». Но это только на первый взгляд. Дело в том, что чем выше должность государственной службы, которую замещает назначенец, тем легче обойти законодательные требования, предъявляемые при его назначении к необходимому стажу госслужбы, опыту предыдущей работы и др. Лет двадцать назад такая практика была практически повсеместной, сегодня она встречается реже, но пока сохраняется. Это приводит к тому, что люди, получившие бесценный управленческий опыт и знания о сфере, в которой они работают, вынуждены её покидать. Недаром всё чаще приходится слышать сетования на снижение уровня профессионализма государственных служащих. И это при том, что проводятся конкурсы на замещение должностей государственной службы (к сожалению, во многом формальные), госслужащие проходят повышение квалификации.

Следует также подчеркнуть, что чиновничий аппарат в своей работе нацелен, прежде всего, на два результата. Первый – это исполнение поручения к указанному сроку. Второе – формальное достижение требуемого показателя опять же к указанному сроку. Нацеленность прежде всего на эти два результата во многом формализуют работ госслужащих, делают её неэффективной. Именно они находятся на первом месте и при разработке национальных проектов, и при их реализации. А именно нацпроекты – это тот инструмент, который и должен способствовать становлению новой социальной российской реальности. Остановимся на этом подробнее.

Сроки исполнения поручений в органах власти, как правило даются сжатые. В случае нацпроектов это обуславливается необходимостью получения значимых результатов уже к 2024 году – году президентских выборов. Поэтому на разработку паспортов нацпроектов были выделены весьма краткие сроки. На серьёзную научную проработку проблемы времени не было. Кстати, следует с сожалением констатировать, что в последнее время наука в России существует как бы сама по себе и в очень малой степени привлекается к выработке стратегии экономического и социально-политического развития страны.

Нацпроект по цифровизации касается многих сфер и отраслей – это и государственное управление, и образование, и здравоохранение, и транспорт, и промышленность... Поэтому закономерно, что он реализуется в рамках десяти государственных программ, а его исполнение характеризуется множеством показателей. Чиновничий аппарат и занят сначала «гонкой» разработки госпрограмм с их многочисленными показателями, а потом сбором информации о достижении этих показателей и поисками путей их наиболее яркой и выгодной презентации. Оправдание недостижения запланированных показателей может быть только одно: уменьшение финансирования. Это вполне возможно. Поэтому, среди государственных служащих распространено мнение, что несоблюдение запланированных сроков цифровизации может быть вызвано недостаточным финансированием.

Казалось бы, дело на месте не стоит. 29 октября 2019 года Председатель Правительства Д.А. Медведев дал поручение Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции, которую возглавляет Вице-Премьер А. Силуанов, направленные на обеспечение работы по достижению целевого уровня экономического роста не ниже 3% начиная с 2021 года. Поручение состоит из 28 пунктов, адресованных различным министерствам с указанием сроков исполнения. Вслед за этим, в ноябре 2019 года, Министр экономического развития М. Орешкин в письме первому вице-премьеру финансов А. Силуанову, возглавляющему Правительственную комиссию по экономическому развитию и интеграции, предложил создать в её составе подкомиссию по обеспечению экономического роста и содействия реализации структурным реформам. Логика в этом предложении есть, так как для выполнения поручения, состоящего из 28 пунктов, необходима координация деятельности многих правительственных органов.

СМИ и экспертное сообщество восприняло предложение о создании подкомиссии с большой долей скептицизма. Журнал «Огонёк» откликнулся на эту информацию статьей под названием «Рост по приказу» [2, с. 14-17], а сайт «Эксперт ONLINE» информацию о создании подкомиссии иронично озаглавил «Что за подкомиссия, Создатель!» [3]. Этот скептицизм оправдан. Тот же «Огонёк» подсчитал, что с 2013 года было создано 8 различных комиссий по ускорению, модернизации, обеспечению экономического роста, но ни первого, ни второго, ни третьего пока не наблюдается [2, с. 14]. И почему так долго «раскачивается» Правительство? Президентом задача ускорения экономического роста поставлена в мае 2018 года, а последние соответствующие поручения правительственным ведомствам даны в октябре 2019 года. Были и до этого различные поручения, но они не были исполнены. И не потому, что Правительство бездействовало. Аппаратная работа шла, но дело было в том, что «монолит» экономической системы не был поколеблен этими аппаратными воздействиями. И есть сомнения в том, что новые запланированные мероприятия останутся также без последствий. Следует отметить, что пандемия «COVID-19» внесла существенные коррективы в ранее намеченные сроки. Тем не менее, на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам, состоявшемся 13 июля 2020 года, министр А. Р. Белоусов выразил уверенность в том, что достижение трёхпроцентных темпов роста российской экономики возможно уже в 2023 году и даже ранее [4]. При этом он говорил о том, какие шаги необходимо предпринять, чтобы трёхпроцентный рост был обеспечен на долгосрочную перспективу, но темпы и качество работы государственного аппарата в предыдущий период времени «пробуксовывали». А так как в организации работы этого аппарата ничего не изменилось, то почему в предстоящий период времени должны произойти изменения, остаётся непонятным.

О том, как медленно «раскачивалось» правительство ранее, свидетельствует такой штрих: в октябре 2018 года на заседании совета при Президенте по стратегическому развитию и национальным проектам А. Шохин говорил, что закон о защите и поощрении капиталовложений в России, который разрабатывается Минфином, можно будет принять уже в ходе осенней сессии Госдумы. Но – не получилось. В июне 2019 года появилось поручение Президента до 1 июля 2019 г. внести этот законопроект в Госдуму и принять его. Но оказалось, что принятие этого закона в указанный срок невозможно! Государственно-правовое управление Президента дало на этот законопроект отрицательный отзыв! Прошло ещё почти полгода. И вот седьмым пунктом поручения Правительства от 29 октября 2019 года вновь поручается «обеспечить принятие федерального закона «О защите и поощрении капиталовложений и развитии инновационного деятельности в Российской Федерации» и его вступление в силу. Срок – 16 декабря 2019 года». Законопроект был принят Государственной Думой в первом чтении 10 декабря 2019 года, и, наконец, подписан Президентом 1 апреля 2020 года. И так – рассчитывали на осеннюю сессию Госдумы 2018 года, а приняли спустя два года!

А. Р. Белоусов на заседании Совета в июле 2020 года говорил о трёх задачах, которые необходимо решить для обеспечения высокого экономического роста. Первая – активизация инвестиций, вторая – восстановление развития сектора индивидуального, малого и среднего предпринимательства, третья – использование резерва увеличения экспорта несырьевых, неэнергетических ресурсов.

Что касается перспектив решения первой задачи, следовало бы иметь в виду, что рост российской экономики сдерживается узостью внутреннего рынка. Зачем производить больше, если продукция не будет находить сбыта? По данным Росстата средний уровень загрузки производственных мощностей составил в ноябре 2019 года в добыче полезных ископаемых – 70%, в обрабатывающих производствах – 66%. Причём 10% руководителей обрабатывающих производств отмечают избыточность имеющихся мощностей [5]. Поэтому нет стимула наращивать производственные мощности, делать капиталовложения.

Успешность решения второй задачи во многом зависит от политической воли и управленческого умения в конце концов после долгих проволочек решить её. Складывается впечатление, что предвзятое отношение к малому бизнесу в органах государственной власти осталось с советских ещё времён.

Причём, культура общения граждан с государственными органами тоже во многом произрастает из прошлого советского опыта. Например, скептицизм по отношению к возможностям реализации национального проекта цифровизации, несомненно, имеет ещё «советские корни». Они – из советских времён, в которые объявлялось о реализации многих важных программ и начинаний, которые остались на бумаге: это Продовольственная программа, это курс на ускорение и перестройку в рамках социалистического выбора. Нет нужды вспоминать все – уже нет того государства и того общества, в котором всё обещанное не было реализовано. Это – одна из причин того, что и государство, и общество сошли с исторической сцены. Но ещё более памятно то, что предпринимавшиеся в последние десятилетия попытки модернизировать экономику страны с целью придания ей большего динамизма, повышения эффективности и более ярко выраженной социальной ориентации не увенчались успехом.

Ещё в ноябре 2008 года Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р была утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития страны до 2020 года. Согласно этой концепции, ожидался выход российской экономики на траекторию долгосрочного экономического роста со средними темпами примерно 106,4 – 106,5 процентов в год. Соответственно ожидалось, что уровень абсолютной бедности снизится с 13,4 процента в 2007 году до 6-7 процентов в 2020. При разработке этой Концепции тенденции экономического развития в годы, предшествовавшие 2008-му, были экстраполированы до 2020. Но будущее оказалось иным: темпы роста ВВП оказались на уровне примерно 1,9 процентов, а доля населения с доходами ниже прожиточного минимума снизились с 13,4 в 2008 году всего до 12,3 процентов в 2020 [6]. Выполнению намеченных планов помешал, конечно, кризис 2008-2009 гг., после 2014 года появились трудности, связанные с санкциями, в последнее время заметное влияние на мировую, в том числе и на российскую экономику оказывает пандемия, но главное всё же не это, а то, что никаких структурных сдвигов в экономике произведено не было.

На Концепцию 2008 года были «наложены» майские Указы Президента 2013 года, затем Указ 2018 года о стратегических целях развития страны. Президентский Указ – документ, обладающий большей силой, по сравнению с правительственной Концепцией, за его исполнением и контроль более серьёзный, но замена одного документа другим ничего не даст, если развитие экономики продолжает идти по инерции, а её сырьевая направленность сохраняется. Следует подчеркнуть, что в нашей, российской системе государственного управления, указ президента имеет больший «вес» по сравнению с документом правительства, но возникает мысль о том, что, если появились некие непредвиденные обстоятельства неодолимой силы (мировой экономической кризис, например), почему бы не скорректировать Концепцию? Зачем подписывать новые указы Президента, в которых как раз и излагаются новые задачи в той сфере, о которой говорилось в Концепции? Невольно возникает мысль о том, что дело не в политическом «весе» такого документа, как указ Президента, а в ожидаемом от него пропагандистском эффекте. Разница между этими документами в том, что «горизонт» Концепции гораздо шире «горизонта» указа, который «заглядывает» максимум на 6 лет вперёд, тогда как концепция – на 10 лет и более. Указом ставятся конкретные задачи, в то время, как Концепция не носит императивного характера. Но с учётом тех сложностей, с которыми сталкивается социально-экономическое развитие России, есть большие опасения в том, что поставленные в указах задачи будут выполнены в срок, а это может перевести существующие проблемы уже в политическую плоскость.

Россия – это страна в которой цифровизация экономики ведётся в гораздо более сложных условиях, чем в государствах ЕС, а также в Японии и Корее: в России неэффективная и устаревшая структура экономики и большое число рабочих мест, не требующих высокой квалификации работников. Инвестиции растут медленно, так как нет стимулов к капиталовложениям, поэтому большие суммы финансовых средств выводятся за рубеж. Кроме того, имеются существенные разрывы в социально-экономическом развитии регионов. Многие из них не имеют собственных средств для проведения соответствующих дорогостоящих мероприятий, так как в них не решены самые насущные социальные проблемы, да и на их решение ресурсов не хватает. Вместе с тем, как уже отмечалось, цифровизация – это средство повышения эффективности производства и без неё прорыв в будущее для страны невозможен.

Прежде всего, следует отметить высокую степень опасения возникновения безработицы по причине «умирания» некоторых профессий в цифровой экономике. Существует целый перечень профессий, которые неизбежно исчезнут в недалёком будущем. Причём, нет оснований подвергать этот перечень сомнению. На первый взгляд, опасение безработицы – это ничем не обоснованная фобия: какие профессии исчезнут уже известно, нетрудно довольно точно подсчитать, сколько людей и в каких регионах надо будет переучить и трудоустроить на новых рабочих местах. Достаточно провести разъяснительную работу и проблема занятости будет решена. Но всё не так просто! В России на основании многолетнего опыта выработалось стойкое недоверие населения к государству, которое многократно на протяжении исторически короткого отрезка времени оставляло людей один на один с их проблемами, или обманывало их. А это – одна из черт политической и управленческой культуры уже новой России.

Менее тридцати лет прошло с тех пор, как «растаяли» сбережения населения во время «шоковой терапии» начала 90-х годов. Вслед за этим при полном равнодушии государственных органов расцвела деятельность «финансовых пирамид». Затем случился дефолт 1998 года, в результате которого «прогорели» скромные банковские вклады миллионов граждан. Казалось бы, далее последовал благополучный период роста благосостояния, базировавшийся на высокой стоимости энергоносителей, продаваемых за рубеж. Но именно в этот период имели место многочисленные случаи протестов «обманутых дольщиков»: люди, стремившиеся улучшить свои жилищные условия, вносили средства на строительство жилья, но оказались обманутыми застройщиками – государство сумело защитить лишь малую часть из них, причём включилось в процесс защиты лишь тогда, когда протесты приняли угрожающие масштабы. В августе 2004 года, как раз в тот период, когда протестовали «обманутые дольщики» вступил в силу Федеральный закон № 122-ФЗ с очень длинным названием: «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Этот закон тотчас же стал известен как закон «о монетизации льгот». Закон правильный и своевременный – в этом нет сомнения! Но пережитки советских времён толкали людей на протесты, перекрытие трасс (в связи с отменой льгот на проезд в общественном транспорте). А государственный орган не утруждал себя проведением широкой разъяснительной работы.

Последние годы отмечены опытом исполнения «майских указов» Президента 2013 года, которыми была поставлена задача довести за 5 лет среднюю заработную плату «бюджетников» (работников здравоохранения, образования и культуры) до уровня средней заработной платы по региону. Задача сама по себе своевременная и благородная. Но, в условиях нехватки бюджетных средств, заработная плата повсеместно повышалась до заданного уровня, прежде всего, за счёт сокращения ставок в ущерб работе учреждений. При этом, судьба уволенных «по сокращению» власти не интересовала. Например, по данным профсоюзов работников здравоохранения, из 700 тысяч человек младшего медицинского персонала, ещё недавно трудившихся в этой сфере, работу сохранили только 300 тысяч. Понятно, как это повлияло на качество оказания медицинских услуг. Похожие процессы сокращений проходили и в сфере культуры, и в сфере образования. Следует отметить, что даже в советский период времени, в котором внимание к человеку было скорее декларативным, чем реальным, такого не происходило (чем во-многом, и подпитывается ностальгия по советским временам, столь заметная в современном российском обществе). В московском метро обращает на себя реклама профессии машиниста поезда метрополитена, настойчиво приглашающая молодых людей пройти соответствующее обучение. Реклама броская, яркая. Но известно, что при переходе к «беспилотному транспорту» поезда метро, движущиеся по рельсам, в первую очередь будут переведены на беспилотное движение. Предположим, что, оказавшиеся ненужными машинисты, пройдут переобучение. Но найдут ли они в системе метропо-

литена не менее оплачиваемую работу? А вне метрополитена? Известно, как трудно найти работу людям, перешагнувшим 40-летний рубеж уже сегодня, а что будет через несколько лет? Так что опасения потерять работу у многих имеют основания.

Государство новой России создало себе устойчивую репутацию не защитника интересов граждан, а озабоченного всего лишь достижением заданного показателя. Пока это является важной чертой современной управленческой культуры. Поэтому столь сильные опасения, что и в будущем высвобождаемые работники будут прошены на произвол судьбы.

Явлением, препятствующим цифровизации, многие считают имущественное расслоение общества, которое ещё более усилится, и которое сопровождается снижением жизненного уровня населения. Действительно, общество, в котором благами цифровизации смогут пользоваться не все, общество, в котором будет существовать слой многочисленных изгоев, которым «цифра» недоступна, будет на новой основе воспроизводить и углублять социальное неравенство, сглаживания которого добились практически все развитые страны. А это станет питательной средой для преступности и социального недовольства.

Высказывались опасения, что цифровизация государственных и муниципальных услуг ещё более «отдалит» чиновников от рядовых граждан, что личное общение «сторон» будет полностью заменено интернет-общением. Тоже, казалось бы, фобия, которой страдают одинокие старушки- пенсионерки: им не с кем поговорить, и они, от нечего делать, записываются на личный приём к представителям власти. Действительно, никто не будет оспаривать плюсов, привнесённых в Москву созданными в столице многофункциональными центрами, в которых при минимальных затратах времени можно получить документы и требуемые справки, обменять водительские права – до цифровой эпохи создание таких центров было невозможным. Но, опять же, репутация государства такова, что до облечённых властью людей «трудно достучаться». МФЦ – это, по мнению людей, неплохо, но в них можно решить только «стандартные» проблемы. И если общаться только через Интернет, возможности решения «нестандартных» проблем исчезают совсем. Привыкли к тому, что даже для быстрого решения обычного вопроса часто надо дать взятку, а если вопрос особенный (и, при этом, вполне законный) – то обязательно. А как же предложить и дать взятку через Интернет? Совершенно невозможно! Поэтому нам цифровизация не нужна – таков путь рассуждений рядового российского гражданина.

На одном из первых мест, среди явлений, затрудняющих становление нового социального порядка – коррупция. Это также результат того имиджа, который имеет российское государство в глазах его граждан, при этом – вполне заслуженного. Уровень коррупции весьма высок. А в сфере, в которой вращаются крупные бюджетные средства, – тем более. На цифровизацию же выделяются огромные бюджетные средства. Внебюджетные средства ещё более внушительны, но практически все они – это средства крупных компаний с солидным государственным участием – «Роснефть», «РЖД», «Сбербанк», «Роснано» и им подобные. Самые «коррупционно-ёмкие сферы» – это проведение конкурсов, тендеров на выполнение государственных заданий: завышение сметной стоимости, размещение заказов «среди своих» с последующим «распилом» полученных средств. К сожалению, это повсеместная российская практика, которая изживается очень медленно и неохотно. Поэтому существует стойкое (и не лишённое оснований) убеждение в том, что выделенные на цифровизацию государственные средства будут расходоваться крайне неэффективно.

В позитивном в целом докладе Высшей школы экономики «Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение», подготовленном при участии Всемирного банка, отмечается, что «масштабное финансовое вмешательство государства в высококонкурентную сферу ИКТ может исказить рыночное поведение компаний, снизить качество инвестиций. Резкий скачок бюджетных расходов создаёт риски необоснованного увеличения поддержки уже существующих технологических решений и «слабых» проектов в условиях дефицита прорывных разработок» [7]. Действительно, намечается значительный рост бюджетных расходов на разработку технологий: до 2024 года из федерального бюджета на эти цели будут выделены 282 млрд рублей. Немалая сумма! И опасения искажения рыночного поведения компаний вполне обоснованы. Львиная доля бюджетных средств будет расходоваться ведомствами и крупными компаниями.

Существующая практика такова, что их сильно «бьют» за «неосвоение» бюджетных средств с срок, поэтому они неизбежно будут их «осваивать» как можно скорее. И в этих условиях, им, действительно, не до поисков лучшего (это требует времени) – они будут «подбирать» то, что им предложат, а предложат далеко не обязательно новое и «прорывное».

Многие эксперты полагают, что фактором, сдерживающим процессы создания цифровой экономики в России, является нехватка специалистов в области информационных технологий. Казалось бы, оснований для такого заявления нет. В рамках нацпроекта разработан Федеральный проект «Кадры для цифровой экономики», которым предусматривается обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики. Нет необходимости писать здесь о всех 32-х пунктах этого обширного и подробного проекта, с которым предусмотрено, казалось бы, всё. В том числе и разработка совместно с компаниями цифровой экономики прогнозной потребности в ИТ-специалистах до 2024 года. Причём, судя по паспорту национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика России», данный прогноз был разработан уже к 30 сентября 2019 года. В паспорте программы нет информации о том, предполагается ли в дальнейшем уточнять и корректировать данный прогноз, но, хотелось бы предполагать, что корректировки должны бы быть предусмотрены. Видимо, ещё до появления этого прогноза запланировано принимать на обучение по программам высшего образования в сфере информационных технологий ежегодно немалое число абитуриентов, причём, с каждым годом все больше: если в 2019 году 50000 человек, то в 2024 уже 120000. Кроме того, если к концу 2019 года должны пройти обучение по онлайн программам развития цифровой грамотности 100 тысяч человек, то к завершению 2020 года ещё миллион 900 тысяч, а к концу 2024 года по этим программам должно быть обучено за 6 лет уже 10 миллионов человек.

Планы внушительные, но результативность их исполнения надо будет оценивать не по этим общим цифрам, а по тому, насколько будут покрываться потребность в ИТ-специалистах в конкретных учреждениях и на конкретных предприятиях. Кроме того, по тому, будет ли соответствовать квалификация подготовленных специалистов уровню тех задач, которые им придётся решать? А вот здесь, как говорится, – вопросы остаются. Во-первых, известно, что к повышению квалификации кадров в последнее время сплошь и рядом подходят формально. Во-вторых, известно также, что качество высшего образования в России невысоко. Да и среднее общее и специальное образование нуждается в кардинальном повышении качества. В-третьих, мотивация руководителей многих предприятий к цифровизации и, следовательно, к увеличению штатов за счёт приглашения ИТ-специалистов невысока. Немудрено, что многие эксперты скептически оценивают возможности иметь достаточное количество ИТ-специалистов, обладающими необходимыми компетенциями для ускоренного развития цифровизации.

Несколько слов об эпиграфе к данному тексту. Автору представляется, что поэтические строки Давида Самойлова хорошо отражают противоречивые настроения, которые преобладают в обществе, когда оно переходит к новому этапу своего развития. А переход совершается грандиозный! Это – как сплав по порожиистой реке: промедление в принятии решений и достижения реальных результатов может привести к фатальному исходу: лодка перевернётся или крепко сядет на камень. А соперники, пройдя пороги, окажутся далеко впереди и их уже не догнать.

Некоторые выводы

Становление новой социальной реальности для России безальтернативно. Российское государство многое делает для создания и распространения нового технологического уклада, есть заметные продвижения в этой сфере. Вместе с тем, уровень управленческой культуры остаётся недостаточно высоким для того, чтобы ускорить процессы модернизации экономики и социальной сферы. Для повышения уровня управленческой культуры государственного аппарата необходимо: повышение степени профессионализма государственных служащих; изживание пока ещё достаточно заметных явлений формализма в исполнении ими своих функций; переориентация с нацеленности на показатель на достижение реальных результатов; понижение, а в идеальном случае – полная ликвидация административных барьеров, отделяющих государственный аппарат от «простых граждан».

Библиография

1. Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве (Коллективная монография). -М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – 208 с.
2. Рост по приказу // Огонёк. № 5590, 9 декабря 2019.
3. Что за подкомиссия, Создатель! URL: <https://expert.ru/2019/11/22/v-rossii-poyavitsya-novuyj-shtab-reform>.
4. Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63635>.
5. Деловая активность организаций в России в ноябре 2019 года. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/freeB04_03/issWWW.exe/Stg/d04/232.htm.
6. 2008 и 2020: что изменилось в экономике и экономической политике? URL: <http://icss.ru/vokrug-statistiki/2008-i-2020-cto-izmenilos-v-ekonomike-i-ekonomicheskoi-politike>.
7. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение, – М., изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 7.

Бусыгин А.Е. Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН

THE IMPACT OF MANAGERIAL CULTURE ON THE FORMATION OF A NEW RUSSIAN SOCIAL REALITY

DOI: 10.25629/HC.2020.12.____

Busygin A.E.

Institute of Social and Political Studies of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Abstract. The article substantiates the necessity to increase the level of domestic state management culture to accelerate the processes of formation of new social reality. The directions in which it is reasonable to improve the work of the state apparatus are outlined.

Key words: new social reality, managerial culture, national projects.

References

1. *Novaya sotsial'naya real'nost': sistemoobrazuyushchie faktory, bezopasnost' i perspektivy razvitiya. Rossiya v tekhnosotsial'nom prostranstve* [New social reality: systemic factors, security and development prospects. Russia in Techno-social Space]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2020. 208 p.
2. [Growth by order]. *Ogonek*. No 5590, 9 December 2019. In Russ.
3. *Chto za podkomissiya, Sozdatel'!* [What a subcommission, the Creator!]. URL: <https://expert.ru/2019/11/22/v-rossii-poyavitsya-novuyj-shtab-reform>.
4. *Zasedanie Soveta po strategicheskomu razvitiyu i natsional'nym proektam* [Meeting of the Strategic Development and National Projects Council]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63635>.
5. Business activity of organizations in Russia in November 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/freeB04_03/issWWW.exe/Stg/d04/232.htm. In Russ.
6. 2008 and 2020: what has changed in economics and economic policy? URL: <http://icss.ru/vokrug-statistiki/2008-i-2020-cto-izmenilos-v-ekonomike-i-ekonomicheskoi-politike>. In Russ.
7. *Chto takoe tsifrovaya ekonomika? Trendy, kompetentsii, izmerenie* [What is the digital economy? Trends, competences, measurement]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2019. P. 7.

Busygin A.E. Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher of ISPI RAS